

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «КРИЗИСЕ ФЕОДАЛИЗМА» в XIV—XV веках

(К историографии вопроса)

М. А. Барг

В последние 10—15 лет в западноевропейской медиевистике большое внимание уделялось изучению экономической истории XIV—XV вв., в особенности исследованию так называемого «кризиса феодализма» в эти века¹. Под этим понятием некоторые историки подразумевают кризис феодальной общественно-экономической формации, за которым якобы уже следует принципиально иной общественно-экономический строй. При этом далеко не все буржуазные историки употребляют одинаковую терминологию, хотя в действительности приходят в своих построениях к одному и тому же выводу. Так или иначе, но «проблема кризиса феодализма» стоит ныне в центре внимания буржуазной медиевистики.

Данной проблемой серьезно занимались также историки стран народной демократии². Ей были посвящены научные доклады и дискуссии

¹ W. Abel. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung. «Schmollers Jahrbücher». 58, Jahrgang 1934; его же. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935; его же. Wachstumsschwankungen der Mitteleuropäischen Völker seit dem Mittelalter. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». Bd. 142. 1935; его же. Wüstungen und Preisfall im Spätmittelalterlichen Europa. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1953, vol. CLXV; M. M. Postan. Revisions in Economic History: the 15th Century. «The Economic History Review». 1939, Vol. 9, № 2; его же. Some Economic Evidence of Declining Population in the Later Middle Ages. «The Economic History Review», 1950, 2 Ser., vol. II/3; его же. Die wirtschaftlichen Grundlagen der mittelalterlichen Gesellschaft. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». 1954, Bd. 166, H. 3; J. Saltmarsh. Plague and Economic Decline in England in the Later Middle Ages. «The Cambridge Historical Journal», 1941, vol. VII, № 1; J. C. Russell. Late medieval Population Patterns. «Speculum». 1945, vol. XX; его же. Demographic Pattern in History. «Population Studies». 1948, vol. I, № 4; E. Perroy. A l'origine d'une économie contractée: Les crises du XIV-e siècle. «Annales. Economies, Sociétés, Civilisations», 1949, vol. IX, № 2; C. M. Cipolla. Revisions in Economic History: the Trends in Italian Economic History in the Later Middle Ages. «The Economic History Review», 1949, Ser. 2, vol. II, № 2; K. F. Helleiner. Population Movement and agrarian Depression in the Later Middle Ages. «The Canadian Journal of Economic and Political Science», 1943, vol. XV, № 3; его же. Europas Bevölkerung und Wirtschaft im späteren Mittelalter. «Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung». 1954, Bd. LXII; Fr. Lütge. Das 14/15. Jahrhundert in der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». 1950, Bd. CLXII; R. Hilton. Y eut-il une crise générale de la féodalité. «Annales. Economies, Sociétés, Civilisations», 1951, № 1; H. Reincke. Bevölkerungsprobleme der Hansestädte. «Hansische Geschichtsblätter», 1951, vol. LXX; E. Kelter. Das deutsche Wirtschaftsleben des 14. und 15. Jahrhunderts im Schatten der Pestepidemien. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1953, Bd. CLXV; J. Schreiner. Wages and Prices in England in the Later Middle Ages. «The Scandinavian Economic History Review», 1954, vol. II, № 2.

² Fr. Graus. Die erste Krise des Feudalismus. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1955, H. 4. Переработанная статья того же автора: «Кrise feudalismu v 14 stoleti». «Historicky Sborník», 1953; M. Małowist. Zagadnienie kryzysu feudalizmu w XIV i XV w. w swietle najnowszych badań. «Kwartalnik Historyczny», 1953, LX, № 1.

на двух международных конгрессах историков — Парижском (1950 г.) и Римском (1955 г.)³.

Точка зрения советских историков о «кризисе феодализма» в XIV—XV вв. нашла отражение в статьях и выступлениях академика Е. А. Косминского⁴, в которых был подвергнут критическому рассмотрению ряд важных спорных вопросов экономической истории Западной Европы в указанные столетия.

В данной статье делается попытка критического анализа основных направлений, сложившихся в западноевропейской историографии в связи с интерпретацией экономических явлений XIV—XV веков.

Интерес историков буржуазных стран к «циклам кризиса» далекого и близкого прошлого не случаен. Экономический кризис 1929—1933 гг., с одной стороны, опустошения и экономические трудности, обусловленные второй мировой войной и послевоенными кризисными явлениями в капиталистической экономике — с другой, побудили буржуазных медиевистов начать интенсивное изучение причин «аналогичных» явлений в прошлом. Этим путем так называемая «историческая экономия» пытается не только объяснить современную «хозяйственную конъюнктуру» стран Запада, но и обосновать прогнозы ее развития в будущем.

Методологической основой буржуазных концепций «кризиса феодализма» XIV—XV вв. является своеобразный синтез воззрений, заимствованных из современной буржуазной политической экономии, социологии и демографии.

Буржуазные историки всех направлений так или иначе исходят из признания антиисторической в своей сущности идеи об извечности и универсальности закономерностей капитализма, которые рассматриваются чуть ли не как законы природы вообще и человеческой природы в частности. Из этого отправного положения неизбежно следует утверждение, что «экономические тенденции» любой эпохи могут будто бы изучаться независимо от характера связанных с ними социальных фактов и в полном отрыве от всех иных сторон исторической действительности. В качестве примера конкретного применения этих положений к истории средних веков можно указать на трактовку проблемы движения цен, изучению которой на Западе придается чрезвычайно большое значение. В соответствии с вышесказанным длинные, «вековые ряды» цен рассматриваются едва ли не как основное мерило «социальной динамики» для всех времен и народов⁵. Так возникло представление об «экономических циклах» подъема или упадка рыночной конъюнктуры, рассматриваемой как верхнее зеркало исторического процесса.

Важное место в «теоретическом» обосновании тезиса о «кризисе феодализма» в XIV—XV вв. заняло учение о цикличности демографических

³ «IX-e Congrès international des Sciences historiques. Rapports». 1950. Section III. Histoire Economique.—Moyen age. Rapport de M. M. Postan (The Economic Base of Medieval Society), p. 225 ff; M. Mollat, M. Postan, P. Johansen, A. Saporì, Ch. Verlinden. L'Economie Européenne aux deux derniers siècles du Moyen age. «Relazioni del X Congresso internazionale di scienza storiche», vol. III, Storia del Medioevo, 1955, p. 657 ss.

⁴ Е. А. Косминский. Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке. «Труды историков СССР, подготовленные к X Международному конгрессу исторических наук в Риме». М. 1955; его же. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? (По поводу доклада на X Международном конгрессе историков: «Европейская экономика в течение двух последних столетий средневековья»). Сборник «Средние века». Вып. X. М. 1957.

⁵ Cp. L. Febvre. Le problème historique de Prix. «Annales d'histoire économique et sociale», 1930, t. II, p. 67; cp. M. Bloch. L'histoire des prix. «Annales d'histoire sociale», 1939, t. I, p. 141.

процессов⁶. Из сопоставления этих циклов (рост или сокращение народонаселения) с колебаниями «деловой активности» — в рамках той же вековой динамики — родилось представление о «вековых хозяйственных циклах» (*Long-term economic trends, Langfristige wirtschaftliche Schwankungen, Phases économiques de longue durée*)⁷. При этом причинно-следственная связь между указанными двумя рядами «циклов» истолковывается таким образом, что «вековые демографические циклы» оказываются в конечном счете основной и единственной движущей силой исторического развития. Все значительные повороты в истории, включая и социальные революции, получали универсальное объяснение в движении «кривых» народонаселения⁸.

Сами же «демографические циклы» объясняются буржуазными историками влиянием факторов биологических, психологических или даже метеорологических⁹. Таким образом, даже краткое знакомство с теорией «экономических циклов» обнаруживает, что ее назначением является опровержение каких бы то ни было социально-экономических закономерностей в истории. Более того, исчезает почва для исторических закономерностей как таковых.

История, с точки зрения сторонников теории «экономических циклов», есть наложение замкнутых и чередующихся по своей «хозяйственной конъюнктуре» кругов, различия между которыми носят лишь количественный, но отнюдь не качественный характер. Но сводить историю к этим определяемым едва ли не космическими силами чередованиям «приливов» и «отливов» народонаселения — значит отрицать историю как науку. «Теория циклов» — это, по сути дела, барьер, воздвигнутый на пути научного познания законов общественного развития. Научная несостоятельность теоретических основ этой концепции уже давно доказана. К. Маркс показал, что так называемый «закон народонаселения» является не биологическим, а историческим законом, что он определяется характером общественных отношений, господствующих в ту или иную эпоху¹⁰.

Этот важнейший вывод был впоследствии развит В. И. Лениным, который к нему неоднократно возвращался. Так, полемизируя с Ланге, он писал: «Условия размножения человека непосредственно зависят от

⁶ W. Abel. *Wachstumsschwankungen der mitteleuropäischen Völker seit dem Mittelalter*. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». 1955. Bd. 142, № 6, S. 670; G. Bouthoul. *Sur l'existence d'un mouvement cyclique de longue durée dans la population*. «Congrès international de la population». Vol. I. Paris, 1938, p. 63. Автор устанавливает столетние циклы — «благополучные» и «бедственные».

⁷ См. L. Dupriez. *Les mouvements économiques généraux*. Vol. 5. Louvain. 1947.

⁸ См. A. Lösch. *Wirtschaftsschwankungen als Folge von Bevölkerungswellen*. «Schmöllers Jahrbücher». 1936. Bd. LX, S. 551 ff; его же. *Population Cycles as a Cause of Economic Cycles*. «Quarterly Journal of Economics». 1936/37, Vol. LI, pp. 649 ff; J. C. Russell. *Demographic Pattern in History*, p. 388. «Если мы сопоставим изменения в динамике народонаселения с крупными поворотами в истории, — писал Рассел, — мы обнаружим, что изменения в народонаселении наступают столетием или более раннее поворотов в истории. Таким образом, прецедент создают изменения в народонаселении». Для русского читателя эта концепция уж во всяком случае не отличается новизной, ибо она давно ему знакома по трудам Максима Ковалевского. См., например, М. Ковалевский. *Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства*. Т. I. М. 1898, стр. VIII.

⁹ C. Couyers-Morrels. *An Investigation and Theory concerning cycloperiodicity in vital rates and its possible relationship to meteorological and astrophysical cycles*. См. резюме в интересном обзоре этих концепций в докладе польского ученого Витольда Куля (Kula) на Парижском конгрессе историков в сборнике «IX-е Congrès international des Sciences Historiques. Rapports». Paris. 1950, p. 475 ff. В других случаях «демографические циклы» сопоставляются с циклами в природе. Так, например, Рассел пишет: «Изменения (динамики) народонаселения наступают подобно геологическим смещениям (disturbances), которые перекраивают поверхность по новому плану» (J. C. Russell. Указ. соч., стр. 400).

¹⁰ См. К. Маркс. *Капитал*. Т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 637.

устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно», без отношения к исторически различным формам общественного устройства. ...Мы можем считать однородными условия существования только животных и растений, но никак не человека, раз мы знаем, что он жил в различных по типу своей организации социальных союзах»¹¹.

В работе «К характеристике экономического романтизма», полемизируя с Сисмонди, В. И. Ленин спрашивал: «Что значит «ставить вопрос о населении на социально-историческую почву»?». Ответ В. И. Ленина предельно ясен: «Это значит исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно и изучать его связь и соотношение с данной системой»¹².

Но если это не всегда под силу демографам, то историкам во всяком случае не следует об этом забывать, иначе они могут очутиться в замкнутом кругу «причин» и «следствий», как это и случилось со многими участниками рассматриваемой дискуссии.

Зачинателем дискуссии о так называемом «кризисе феодализма» XIV—XV вв. следует признать немецкого историка хозяйства В. Абеля¹³. Изучение его работ, однако, убеждает в том, что их нельзя назвать исследованиями в собственном смысле слова, поскольку автор оперирует данными, почерпнутыми в большинстве случаев из вторых рук. Его выводы, основанные на разрозненных наблюдениях, компилируемых без всякой системы, без малейшей попытки их критического анализа, не внушают ни малейшего доверия. К тому же труды В. Абеля насквозь пропитаны демографическими доктринами фашистского рейха. Представив «вековые движения» цен (на пшеницу) в средневропейских странах в виде «волнообразных движений», «подъема» и «упадка», Абель обнаружил «кризисную конъюнктуру» в XIV—XV веках. Затем он попытался выяснить, чем были обусловлены эти колебания. Рассматривая поочередно «монетарную теорию», мальтузианство и, наконец, учение Рикардо о земельной ренте, он явно склоняется к утверждению, будто бы уже в классический период средневековья начинал складываться хозяйственный строй, основы которого можно объяснить при помощи закономерностей буржуазной экономики¹⁴. При этом мальтузианству в его концепции принадлежит доминирующая роль.

Прежде всего Абель находит в средние века наряду с «феодальной рентой» и особую «земельную ренту» (Grundrente), своего рода дифференциальную ренту, которая рассматривается им как «рыночное явление» уже в XIII веке. При этом он считает, что для ее понимания нужно изучать не аграрный строй, а только лишь спрос и предложение сельскохозяйственных продуктов, к чему, по его представлению, и сводится экономика сельского хозяйства во все времена истории.

Констатируя для XI—XIII вв. интенсивный прирост населения в средневропейских странах — движение кривой народонаселения, параллель-

¹¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 433.

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 157.

¹³ Как признает сам Абель, у него были предшественники. Отправной в этом отношении явилась работа венского географа Альфреда Грунда «Veränderungen der Topographie im Wiener Wald und Wiener Becken». «Geographische Abhandlungen». 1901. Bd. XIII, № 1. Однако можно указать и на предшественника Грунда. См. K. M e h r m a n n. Die Agrarkrise im 14. Jahrhundert. «Zeitschrift des Harzvereins für Geschichte und Altertumskunde». 31. Jahrgang. 1898.

¹⁴ W. A b e l. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. S. 11.

ное с движением цен,— Абель подчеркивает: «В тесной связи с этим быстрым ростом населения видоизменяются формы старого аграрного строя». Таким образом, определяющим в этой удивительной параллели является, по мнению Абеля, рост народонаселения. Вот нить его рассуждений. В связи с сильным приростом населения (с XI до середины XIV в.) земельная площадь, пригодная для обработки, была исчерпана, что обусловило рост хлебных цен. В результате возросли и земельные ренты (заметим, ренты не феодальные, а земельные, лишенные исторической определенности!). На этом-де зиждились роскошный образ жизни дворянства и благополучие крестьянства, как и общее благополучие народов в указанных странах¹⁵. «Черную смерть» 1347 г. Абель рассматривает как наступление перелома. Сокращение населения Средней Европы больше чем на $\frac{1}{3}$ разрешило перенапряженное «несоответствие» между народонаселением и культивируемой площадью; сельскохозяйственная площадь стала теперь избыточной, под обработкой остались лишь лучшие земли, худшие забрасывались. В результате — падение цен на продукты земледелия, а значит, и земельной ренты, кризис «земледельческих классов»¹⁶, запустение деревни. Вторая половина XIV—XV в.— период аграрной депрессии вследствие резкого сокращения спроса на сельскохозяйственные продукты, обусловленного, в свою очередь, стагнацией народонаселения.

Таковы в основных чертах теоретические и исторические посылки концепции Абеля об «аграрном кризисе» XIV—XV веков. Эта концепция легла, по существу, в основу всей последующей дискуссии о так называемом «кризисе феодализма». Важно отметить, что участники дискуссии развивали и видоизменяли лишь детали данной концепции. Основная же ее идея, из которой следует, что экономика средневековья вообще и сельского хозяйства в частности может и должна изучаться в отрыве от конкретно-исторических условий, применительно к критериям и понятиям буржуазной рыночной конъюнктуры, оставалась без изменения в многочисленных последующих исследованиях и превратилась в своего рода всеобщую догму современной буржуазной медиевистики.

Продолжая развивать свою концепцию, Абель опубликовал в 1943 г. работу, в которой поставил цель исследовать на материале конкретно-исторических фактов экономический кризис XIV—XV веков¹⁷. Эта книга примечательна отнюдь не тем, что в ней собраны (довольно бессистемно) различные сведения о «кризисе» XIV—XV вв. — исчезновении множества деревень, массовом запустении полей и сокращении сельского населения и т. д., — а синтезом, который делается на основе этих фактов. Заключительный период средневековья (напомним, что для Абеля это XIV—XV вв.), подчеркивает автор, был периодом хозяйственного упадка, ибо он «совпал» с «демографическим циклом» сокращения народонаселения.

Взгляды, чрезвычайно близкие к концепции Абеля, развивает в своих исследованиях известный английский историк-экономист М. М. По-стан¹⁸, который в наиболее законченной форме выразил точку зрения современной буржуазной медиевистики на характер и направление хозяйственных процессов в Западной Европе XIV—XV веков. Наиболее полно его концепция выражена в докладе на Парижском конгрессе истори-

¹⁵ Там же, стр. 16, 21—26.

¹⁶ Там же, стр. 31.

¹⁷ W. Abel. Die Wüstungen des Ausgehenden Mittelalters. Zweite Auflage. Stuttgart. 1955 (первое издание вышло в 1943 г.).

¹⁸ M. M. Postan. Revisions in Economic History: the 15-th Century, p. 160 f; его же. Some Economic Evidence of Declining Population in the Later Middle Ages, p. 221. его же. The Economic Base of Medieval Society. «IX-e Congrès international des Sciences Historiques. Rapports», pp. 225—246; его же. The Age of Contraction. «The Cambridge Economic History». Vol. II, 1952, p. 191 ff.

ков (1950 г.) и в статье «Хозяйственные основы средневекового общества»¹⁹.

Исходные позиции Поста́на отчетливо проявляются в толковании им «хозяйственных оснований средневекового общества». Оказывается, что ими являются такие «экономические факторы» (население и поселение, техника производства и общие тенденции развития хозяйства), эволюция которых может якобы рассматриваться вне связи с эволюцией юридических и социальных институтов и отношений между классами²⁰.

Таким образом, для Поста́на, как и для Абе́ля, существует сфера некоей «чистой экономики», которая развивается в соответствии с имманентными закономерностями, остающимися неизменными, несмотря на исторические различия эпох. Фазы средневековой эволюции он сводит лишь к «типу экономической конъюнктуры» — «экономическому прогрессу» или «экономическому упадку». Иначе говоря, по его мнению, само хозяйственное развитие в отдельные периоды, оставаясь неизменным, по существу, может различаться только направлением кривой («рост» или «упадок») и своей интенсивностью²¹. В силу этого исчезают какие-либо грани между общественно-экономическими формами производства. «Хозяйственные циклы» их не знают и игнорируют. Так, например, в представлении Поста́на, экономика первых веков средневековья является лишь кульминацией хозяйственного цикла позднеримской империи. Тем более не существует, согласно концепции Поста́на, качественных изменений внутри феодальной формации. «Цикл подъема» в XII—XIII вв. идентичен с аналогичным циклом XVI в., точно так же идентичны, по существу, циклы упадка XIV—XV вв. и XVII в. и т. д.²².

Согласно построению Поста́на, периодизация истории осуществляется не по типу общественной организации производства, а прежде всего по состоянию «рыночной конъюнктуры», рассматриваемой как важнейший показатель состояния экономики. Таковы основные методологические послышки его исследований феодальной экономики. Объективный смысл этой методологии состоит в том, что экономические закономерности современного капиталистического мира превращаются из сугубо исторических в «надисторический», в универсальный критерий познания прошлого. Циклы хозяйственного расцвета во все времена сменялись-де циклами упадка и кризисов, а эти последние — новым подъемом. Одним словом, такая «закономерность» экономической жизни якобы может быть прослежена чуть ли не с доисторических времен у различных народов, и, следовательно, она не имеет ничего общего с характером общественного строя, его судьбами. Именно к такого рода выводам приводят взгляды ряда экономистов — сторонников этой методологии²³.

Поста́на интересует прежде всего истолкование фактов экономического кризиса XIV—XV вв.: чем вызвана была смена цикла «хозяйственного подъема» в Западной Европе XI—XIII вв. циклом «депрессии и кризиса» в XIV—XV веках? Он отвергает выводы «монетарной теории» норвежского историка-экономиста Шрейнера, объяснявшего кризис XIV в. истощением давно разрабатывавшихся (в Германии, Чехии и других странах) серебряных рудников, следствием чего явилось резкое сокращение притока серебра —

¹⁹ М. М. Поста́н. Die wirtschaftlichen Grundlagen..., S. 180 ff.

²⁰ Там же, стр. 180; ср. «IX-e Congrès international des Sciences Historiques. Rapports», p. 225.

²¹ М. М. Поста́н. Die wirtschaftlichen Grundlagen..., S. 80.

²² Там же.

²³ Ср. Е. F. Heckscher. Mercantilism. «The Economic History Review», 1936, № 1, p. 44. Гекшер утверждает, что «все экономические процессы, в какой бы цивилизации они ни были обнаружены, должны ставить проблемы, близкие к тем [которые вызываются] экономической жизнью сегодняшнего дня».

наиболее ходовой монеты во внутренней торговле западноевропейских стран²⁴. Если бы это было так, указывает Постан (и не без основания), то движение всех цен как на сельскохозяйственные продукты, так и на промышленные изделия было бы синхронным. В действительности же, отмечает Постан, цены на изделия ремесла не возросли в такой степени, как цены на зерно в XI—XIII вв., и не упали вслед за ними «в соответствующей пропорции» в XIV—XV веках²⁵. Кроме того, движение цен в различных странах хронологически далеко не совпадало с интенсивностью притока серебра на рынки этих стран. Постан ссылается на пример Англии, где недостаток серебра стал ощутим лишь в середине XIV в., а цены заметно падали уже в первой четверти этого века²⁶.

Но как же сам Постан объясняет кризис XIV—XV веков? Он обращается к демографическому фактору. Рост народонаселения в XI—XIII вв., с его точки зрения, обусловил все явления хозяйственного «бума», характерного для данного периода; точно так же сокращение народонаселения в XIV—XV вв. обусловило всеми отмечаемые кризисные явления этого времени²⁷. Сокращение спроса на продовольствие, образование излишка над потреблением обусловили падение цен, невыгодность земледелия на малопригодных землях, запустение деревень и т. д. Итак, перед нами, по существу, повторение концепции Абеля²⁸. «Демографические циклы» в соединении с действием пресловутого закона убывающего плодородия — вот якобы универсальное объяснение развития экономики и в XI—XIII вв., и в XIV—XV веках.

Природа, заключает свои рассуждения Постан, наказывала за повышенные требования к ней. Избыточное население (конца XIII в.), живущее на грани минимума жизненных средств — в условиях длительного застоя техники производства, — создает постоянную угрозу перенапряжения естественных сил. В действие рано или поздно вступает ограниченность плодородия и его убывание. Начинаются хронические неурожайи и длительные периоды голода, сопровождаемые эпидемиями, и все развитие экономики поворачивает вспять или, по крайней мере, топчется на месте.

В результате подобных рассуждений мы оказываемся в заколдованном кругу: рост народонаселения обуславливает истощение плодородия и сужает границы пригодной для обработки почвы; в то же время закон убывающего плодородия оказывается определяющим фактором в движении самого народонаселения, так как под его воздействием меняется динамика последнего. Но если «первопричина» в конечном счете связана с динамикой народонаселения, то чем определяется последняя? На этот вопрос ни Абель, ни Постан ответа не дают²⁹. И, может быть, это молчание само по себе является наиболее красноречивым опровержением избранной ими методики историко-экономического исследования.

Следует, однако, заметить, что в трактовке Поста́на проблема кризиса XIV—XV вв. приняла новые очертания. «Аграрный кризис» Абеля превратился у Поста́на во «всеобщую длительную хозяйственную де-

²⁴ Cp. I. Schreiner. Указ. соч., стр. 61.

²⁵ M. M. Postan. Die wirtschaftlichen Grundlagen..., S. 187.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 188.

²⁸ См. «IX-e Congrès international des Sciences Historiques. Rapports», p. 68 (Rapport collectif de Carlo Cipolla, Jean Dhondt, M. M. Postan, P. Wolf). «On peut risquer l'hypothèse d'une rupture d'équilibre entre la croissance démographique et l'effort de développement agricole». Cp. W. Abel. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im Ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnsenkung. «Schmollers Jahrbücher». 58. Jahrgang 1934.

²⁹ Абель доходит до прямой мистификации, когда ссылается на «психический фактор», регулирующий демографические циклы. — изменение воли народов к продолжению рода (Geburtswillen). См. W. Abel. Wachstumsschwankungen mitteleuropäischer Völker seit dem Mittelalter», S. 691.

прессию», поразившую в одинаковой степени деревню и город, земледелие и ремесло, торговлю и мореплавание.

Основное доказательство у Постана, как мы могли убедиться,— состояние рыночной конъюнктуры, определяющейся соотношением спроса и предложения. Однако уже в своем докладе в 1950 г. сам Постан справедливо заметил, что, следуя слишком далеко в этом направлении, легко дойти до абсурда, ибо может создаться впечатление, что «средневековые крестьяне сеют и жнут, повинаясь экономическим стимулам со стороны международных цен»³⁰. При этом он не замечает или, вернее, не желает замечать, что грань разумного может быть установлена только на почве учения о социально-экономических формациях.

Наконец, важно отметить, что для Постана «кризис XIV—XV вв.» вовсе не является «кризисом феодализма». Постан вообще нигде не употребляет этого термина в данной связи. И это не только потому, что он склонен интерпретировать феодализм чисто юридически, но и потому, что он уже в экономике того времени усматривает явления капиталистические. Именно поэтому он предпочитает говорить о «хозяйственных основаниях» общества вне всякой связи с социальными условиями их функционирования, с конкретно-историческими формами бытия.

Концепция Постана, ряд основных положений которой получил на Западе широкое распространение, не является единственной и тем более общепризнанной.

На Римском международном конгрессе историков (1955 г.) с коллективным докладом «Европейская экономика последних двух веков средневековья» (то есть XIV—XV вв.) выступили М. Молла, М. Постан, П. Иогансен, А. Сапори и Ш. Верлинден³¹.

При освещении развития сельского хозяйства авторы доклада не смогли доказать тезис о всеобъемлющем кризисе, который якобы охватил всю Западную Европу в XIV—XV веках³². Точно так же трудно было им создать хоть сколько-нибудь цельную картину экономического упадка в XIV—XV вв. и в разделе, посвященном промышленности, и в частности, сукноделию — этой наиболее важной ее отрасли в пору европейского средневековья³³. Кроме всего прочего, состояние фактического материала таково, что в большинстве случаев можно лишь ставить вопросы, ответы на которые оказываются делом будущего.

Раздел IV доклада «Тенденция экономической эволюции», по идее авторов, должен был дать синтез всего предыдущего весьма пестрого материала. На деле же он показал прежде всего, что концепция кризиса европейской экономики в XIV—XV вв. не разделяется до конца даже некоторыми авторами самого доклада. Они вынуждены были признать «крайнюю разнородность европейской экономики» в указанные столетия³⁴; тенденции отдельных отраслей хозяйства в отдельных районах были подчас столь противоречивы, что какое-либо обобщение их под знаком «подъема» или «упадка», попросту говоря, невозможно.

В отношении Германии авторы вынуждены были признать, что разнородность отдельных районов «делает до сих пор невозможным определение общих этапов эволюции, поскольку это относится к кризисам XIV века»³⁵. Только относительно экономики Англии автор раздела

³⁰ «IX-e Congrès international des Sciences Historiques. Rapports», p. 231.

³¹ Учитывая, что детальный анализ этого доклада сделан Е. А. Косминским в статье «Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики?», мы ограничиваемся лишь некоторыми оценками доклада, необходимыми для сохранения целостности картины.

³² См. «Relazioni del Congresso Internazionale de Scienze Storiche». Vol. III. Storia del Medioevo. 1955, pp. 672—679.

³³ Там же, стр. 707—716.

³⁴ Там же, стр. 757.

³⁵ Там же, стр. 753.

(М. Постан) отметил, что хотя и о ней нельзя говорить как о едином целом, тем не менее в английской экономике, по его мнению, отчетливо прослеживается общая тенденция к «упадку»³⁶.

В итоге доклада такая тенденция приписывается затем всей Европе, однако без каких-либо дополнительных доказательств³⁷. При этом, однако, относительно Нидерландов признается необходимость «пересмотреть» гипотезу о «всеобщей» длительной депрессии в XIV—XV веках. Та же необходимость констатируется в отношении стран Пиренейского полуострова. Италия вообще исключается из общей картины «кризиса». Таким образом, даже среди сторонников концепции «кризиса XIV в.», изложенной в докладе, заметны разногласия³⁸.

Еще более бросается в глаза отсутствие единого мнения среди ряда других ученых — участников дискуссии. Эдуард Перруа, например, соглашаясь в целом с констатацией «вековых хозяйственных циклов», предпочитает, однако, говорить не о «кризисе XIV в.», а о «кризисах», точнее, о ряде параллельных кризисов, лишь совпадавших по времени. Так, он различает в XIV в. общую и длительную тенденцию экономического спада и одновременно с ней «кризисы», ограниченные во времени, носящие преходящий характер. К числу последних он относит зерновой кризис (1315—1320 гг.), «двойной кризис» — финансовый и денежный кризис (1335—1345 гг.) и, наконец, демографический кризис (1348—1350 гг.). Взаимодействие этих кризисов, заключает он, оказало парализующее влияние на экономику Западной Европы и удерживало ее в течение целого века в состоянии длительного спада³⁹. Перруа, как мы видим, также склонен искать причины «кризиса XIV в.» вне производственных отношений. Хотя он и отказывается признать определяющую роль за какой-либо одной из указанных им причин⁴⁰, его теория столь же мало объясняет развитие экономики XIV в., как и концепция Абея — Поста.

Другие толкования «кризиса XIV в.» характеризуются тем, что в них выдвигается на первый план какая-либо одна «решающая причина», которая якобы проливает свет на все имевшие тогда место явления.

Некоторые из историков все более склоняются к теории «катастроф» — политических, биологических или даже метеорологических, приписывая им значение поворотных пунктов в историческом процессе.

Так, Бутрюш, объясняя «кризис XIV в.» во Франции, выдвигает на первый план опустошения, вызванные Столетней войной⁴¹. Австрийский историк Хеллейнер видит в эпидемии чумы («черная смерть») решающий фактор, обусловивший «трудные времена» во второй половине XIV в. и XV веке⁴². При этом он считает, что такие явления, как упадок шампанских ярмарок, наметившийся уже в конце XIII в., или сокращение продукции фландрского сукноделия в начале XIV в., не противоречат его концепции. Один из этих фактов объясняется, по его мнению, войнами, другой является только симптомом локальных процессов. В конечном счете Хеллейнер приходит к выводу, что «катастрофа (Einbruch) «черной смерти» в Европе положила начало эпохе, характер которой в существенных чертах отличается от предыдущей»⁴³. Так мы возвращаемся к

³⁶ Там же, стр. 795, 797.

³⁷ Там же, стр. 804.

³⁸ Там же, стр. 792—795.

³⁹ E. Perroy. A l'origine d'une économie contractée: Les erises du XIV-e siècle, p. 168.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ R. Boutruche. La crise d'une société. Paris. 1947.

⁴² K. Helleiner. Europas Bevölkerung und Wirtschaft in späteren Mittelalter, S. 254 ff; ср. его же. Population Movement and Agrarian Depression in the Later Middle Ages, p. 368 ff.

⁴³ K. Helleiner. Europas Bevölkerung und Wirtschaft in späteren Mittelalter, S. 267.

точке зрения, которую даже в буржуазной науке считают уже давным-давно опровергнутой⁴⁴. Поскольку же Хеллейнер говорит о «демографической катастрофе», он в отличие от Постана прямо указывает на первопричину «хозяйственной депрессии» XIV—XV вв. — на «биологические последствия эпидемии».

Еще более отчетливо подобная точка зрения выражена в работах Д. Салтмарша «Эпидемия и экономический упадок Англии в позднее средневековье»⁴⁵ и Э. Кельтера «Хозяйственная жизнь Германии в XIV—XV вв. в тени чумных эпидемий». Д. Салтмарш полагает, что ряд локальных эпидемий, имевших место после «черной смерти», по своим совокупным последствиям может лучше объяснить английскую историю, чем «черная смерть»⁴⁶. Э. Кельтер идет еще дальше, утверждая, что эпидемия чумы принадлежала центральной, наиболее существенная и прямо-таки революционизирующая роль в социальной, экономической и культурной эволюции Западной Европы⁴⁷.

«Катастрофа народонаселения» середины XIV в. якобы полностью изменила свойственное предыдущему (то есть собственно средневековому) периоду соотношение «почвы труда и капитала». В результате произошла трансформация всей хозяйственной и социальной жизни Западной Европы.

Не удивительно поэтому, что в отличие от остальных участников дискуссии о «кризисе XIV в.», считавших, что он происходил еще в хронологических рамках средневековья, Кельтер утверждает, что средневековье, по существу, закончилось... эпидемией чумы 1348—1350 гг., якобы коренным образом изменившей прежнюю структуру общества. С этого же момента развитие началось (именно началось, а не продолжалось!) на новой социальной основе — с меньшей численностью народонаселения⁴⁸. Полтора столетия — с 1350 по 1500 г. — в его представлении являются самостоятельным периодом с особым строем «чувствования, желания и мышления»⁴⁹. Х. Бехтель называет его «хозяйственным стилем» позднего средневековья⁵⁰. Аналогичные воззрения развиваются и в работе Ф. Лютге⁵¹.

Выводы Кельтера еще более отчетливо свидетельствуют о тенденции некоторых западных медиевистов решить вопрос о переходе от феодальной к капиталистической формации, полностью игнорируя социальные антагонизмы, порожденные феодальным способом производства, подменив их научный анализ рассуждениями о всякого рода катастрофах, в первую очередь биологических и даже климатических, которыми будто бы обусловлены поворотные моменты исторического развития народов. Отсутствие места не позволяет нам сколько-нибудь подробно анализировать концепцию «кризиса XIV в.», выдвинутую норвежским историком И. Шрейнером⁵². Заметим только, что его «монетарная теория» объясняет этот кризис не в большей степени, чем только что рассмотренные построения. Концепция Шрейнера свидетельствует, однако, о том, что отнюдь не все участники дискуссии, признающие «кризис XIV в.», склонны объяснять его «демографическим фактором».

В итоге проделанного обзора может возникнуть вопрос: откуда же взялось представление о «кризисе феодализма» в XIV—XV вв., если ни

⁴⁴ См. A. E. Levett. Oxford Studies. Vol. V.

⁴⁵ J. Saltmarsh. Указ. соч., стр. 23 и сл.; E. Kelter. Das deutsche Wirtschaftsleben des 14 und 15. Jahrhunderts im Schatten der Pestepidemien, S. 161 ff.

⁴⁶ J. Saltmarsh. Указ. соч., стр. 40—41.

⁴⁷ E. Kelter. Указ. соч., стр. 161.

⁴⁸ Там же, стр. 181.

⁴⁹ Там же, стр. 64.

⁵⁰ См. H. Bechtel. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. I. 1951, S. 364.

⁵¹ См. Fr. Lutge. Указ. соч.

⁵² J. Schreiner. Указ. соч.; ср. его же. Pest og prisfall in Senmiddelalderen. Oslo. 1948.

один из упомянутых выше исследователей ни словом не обмолвился о феодализме вообще? Впервые оно было сформулировано английским историком Р. Хилтоном⁵³, который — это следует признать — перевел дискуссию на социальную почву, поставив экономические тенденции XIV—XV вв. в тесную связь с развитием феодального способа производства. Вместе с тем, оставаясь на почве методологии буржуазной медиевистики, Хилтон, вопреки видимому отличию, оказался весьма близок, по существу, к воззрениям Абеля — Поста́на.

Хилтон тоже признает наличие длительного экономического спада в XIV—XV вв., сопровождавшегося сокращением населения. Его результатом было резкое сокращение феодальных доходов, толкавшее дворянство на военный разбой и грабеж. Таковы первопричины феодальных войн и усобиц XIV—XV веков. Рост налогов, вызванный войнами, послужил причиной городских восстаний; борьба за ренту имела своим результатом крестьянские восстания XIV—XV веков. Итак, перед нами совокупность экономического, политического и социального кризисов, признаваемых, как мы видели, и многими другими буржуазными историками. Пытаясь, однако, найти для «кризиса XIV в.» более глубокое социологическое объяснение, Хилтон пришел к выводу, что исходной и определяющей причиной этого кризиса явился «всеобщий кризис феодализма» как способа производства, якобы наступивший в XIV веке. Поэтому Хилтон видит гораздо больше оснований для сравнения данной эпохи с последними веками кризиса Римской империи, чем с кризисами XIX—XX веков⁵⁴. Точно так же, как на закате древнего Рима общество было парализовано все более увеличивавшимися расходами на содержание социальных и политических институтов, которые не могли быть восполнены никаким ростом производительных сил, всеобщий кризис феодализма был обусловлен тем, что в последние века феодализма (для Хилтона это те же XIV—XV вв.) — в условиях стагнации производительных сил общества — происходило прогрессирующее увеличение феодального потребления. Кризис производительных сил в XIV в. был обусловлен, по мнению Хилтона, неспособностью феодальной экономики обеспечить производительное использование доходов в целях улучшения техники производства⁵⁵.

Итак, в концепции Хилтона решающую роль играет признание общего кризиса феодального общества в XIV—XV вв., разрешившегося в конце XV в. на почве уже новой, капиталистической экономической системы. Наиболее примечательным является то, что Хилтон, принимая почти полностью «циклическую» схему, которая была выработана Поста́ном, на словах полемизирует с ней.

Так, например, в начале своей статьи Хилтон декларирует необходимость объяснить «кризис XIV в.», исходя не из «рыночной конъюнктуры», а из своеобразия феодального способа производства, то есть из особенностей свойственного ему социального антагонизма. Однако объяснение, предложенное самим Хилтоном, по существу, столь же обходит этот антагонизм, как и все предыдущие. В самом деле, тезис Хилтона о неспособности феодального общества обеспечить постоянный рост производительности труда, ибо оно не создает стимулов к этому, не побуждает к дополнительным вложениям капитала, ни в коем случае не является истинным, так как Хилтон исходит из закономерностей капиталистического, а отнюдь не феодального производства. Перед нами пример такой модернизации прошлого, которая выхолащивает всю его специфику и игнорирует все его закономерности. Тезис Хилтона ничего не объясняет в экономике XIV—XV вв. хотя бы потому, что основным элементом про-

⁵³ R. Hilton. Указ. соч.

⁵⁴ Там же, стр. 27.

⁵⁵ Там же, стр. 29.

изводительных сил, от которого в ту эпоху (как и в другие эпохи) зависел рост производительности общественного труда, являлся сам трудящийся человек. Он игнорирует тот факт, что феодализм именно потому и явился более прогрессивным способом производства по сравнению с рабовладельческим, что он, освободив необходимую часть рабочего времени непосредственного производителя, обеспечил объективные возможности для роста производительности труда. В XIV в. эти возможности не только не были исчерпаны, но, наоборот, еще увеличились по сравнению с предыдущим периодом.

Более того, Хилтон вообще отрицает для феодальной эпохи какие-либо потенции роста производительности общественного труда. Увеличение объема производства, отмечаемое в XI—XIII вв., в частности, в земледелии, он рассматривает лишь как результат его экстенсификации (увеличения посевных площадей, увеличения нормы высева и т. д.).

Упрекая своих оппонентов в модернизации средневековых условий, Хилтон, как мы видим, впадает в ту же ошибку, когда рассматривает средневековое хозяйство через призму закономерностей современной агрокультуры. Для судеб феодальной экономики не столь важна форма потребления ренты (при этом нельзя полностью отрицать наличие элементов и производительного потребления), сколько движение ренты. Динамика ренты представляет изгибный стержень экономики XIV в., но именно она меньше всего привлекает к себе внимание Хилтона. Наконец, трудно согласиться с тезисом Хилтона, будто сеньеральная эксплуатация крестьянства (в частности, в Англии) была в XIV—XV вв. тяжелее, чем в XIII в., в пору высшего расцвета английского крепостничества.

Тот факт, что не XIII, а XIV век является периодом крупных крестьянских восстаний, еще ни о чем не свидетельствует, так как восстания эти были обусловлены не только степенью эксплуатации, а прежде всего тем, в каких социально-экономических условиях она осуществлялась, в какой мере эта эксплуатация угрожала лишить крестьянство достигнутого уровня эмансипации. «Феодальная реакция» XIV в. заключалась не столько в том, что степень эксплуатации возросла по сравнению с предыдущим периодом, сколько в том, что она поставила под угрозу результаты склонившейся (в первые десятилетия XIV в.) в пользу крестьян чаши весов в борьбе за ренту.

Результаты растянувшейся на многие годы дискуссии в зарубежной медиевистике красноречиво свидетельствуют о том, что современная буржуазная методология истории не в состоянии дать подлинно научное решение коренных проблем исторического развития. Вместе с тем дискуссия привлекла внимание медиевистов многих стран к важной и еще совершенно недостаточно изученной эпохе социальной истории европейских стран. Она уже на данной стадии обогатила наши знания множеством деталей и подробностей.

Дискуссия опровергла унаследованное современной буржуазной историографией от XIX в. представление о прямолинейности общественного прогресса, в частности в течение XI—XV вв., показав, что развитие феодального общества шло зигзагообразно, ибо в нем наряду с периодами прогресса имели место и периоды застоя и попятного движения. Буржуазные историки старались использовать это «открытие» для попытки опровергнуть марксистско-ленинскую периодизацию истории средневековья.

На самом же деле они опровергают лишь либерально-буржуазные иллюзии относительно исторического прогресса, согласно которым со времени появления городов и расцвета торговли он совершался лишь по восходящей линии, знаменующей «успехи третьего сословия».

Столь же очевидно, что глубоко ошибаются те, кто думает, что «вековыми» колебаниями «конъюнктуры рынка» можно поколебать марксист-

ское понимание исторической закономерности. Согласно учению марксизма, в основе исторического процесса лежит развитие отнюдь не обмена, а способа производства, который вместе с тем нельзя сводить только к технологии, как это пытаются делать буржуазные ученые.

Марксизм допускает, что колебания конъюнктуры рынка в условиях феодального товарного производства могут служить свидетельством перемен, происходивших в общественном производстве. Однако не эти перемены определяют характер экономики, как и ход исторического процесса. Сущность этих перемен далеко еще не ясна из одних только данных о движении хлебных цен, объеме торговли и т. д. Они должны еще быть выяснены из эволюции производственного, рентного отношения, в конечном счете определяющего все длительные «колебания» хозяйственной конъюнктуры той эпохи. Таким образом, «зигзагообразная» линия развития экономики в различные периоды феодализма не отрицает и не может поколебать марксистское представление о действии главных закономерностей исторического процесса.

В свое время о тех, кто пытался в истории хозяйства исходить из экономических законов капитализма как якобы законов вечных, Маркс писал: «По мнению буржуа, индивидуальный обмен может существовать без антагонизма классов: для него эти два явления совершенно не связаны между собой»⁵⁶. В «Капитале» К. Маркс указывал: «Впрочем, буржуазному кругозору, при котором все внимание поглощается обделыванием коммерческих делишек, как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена, а наоборот»⁵⁷.

Конечно, такие внешние, привходящие факторы, как длительные недороды, опустошительные эпидемии и т. п., могли влиять на состояние производительных сил средневекового общества, тормозя их развитие. Однако если не разделять точку зрения проповедников «биологических катастроф» и мальтузианства, то и эти на первый взгляд далекие от социального строя факторы не могут закрыть от нас решающую роль социальных закономерностей в развитии данного общества.

Проблема так называемого кризиса XIV—XV вв. нам представляется проблемой огромной научной важности, ибо речь здесь идет вовсе не об «экономическом цикле», а о важном поворотном пункте в истории феодализма как общественно-экономической формации, о качественном ее скачке. Выяснить содержание и значение этого перехода — значит раскрыть сущность исторического процесса в условиях, как мы видели, чрезвычайно противоречивых, усложненных подчас явлениями внешними, наносными, наконец, завуалированных отношениями товарного производства, уводящими далеко в сторону от самой сути проблемы, если только рассматривать их не как одну из черт данной эпохи, а как основное ее содержание. Программу такого исследования почти в развернутом виде мы находим в трудах Маркса. Для того, чтобы «правильно судить о феодальном производстве, — писал Маркс в «Нищете философии», — нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как в рамках этого антагонизма создавалось богатство, как одновременно с антагонизмом классов развивались производительные силы, как один из классов, представлявший собой дурную, отрицательную сторону общества, неуклонно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения»⁵⁸. Нужно ли указывать на то, что, поскольку речь идет о XIV—XV вв., таким классом являлось средневековое крестьянство. Изучить с этой точки зрения всю совокупность общественных явлений, вскрытых в ходе анализируемой дискуссии, значит найти единственно верный ключ к решению вопроса.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. Изд. 2-е, стр. 108.

⁵⁷ К. Маркс. Капитал. Т. II, стр. 114.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 143.

При этом мало сослаться на классовую борьбу или даже на ее особое обострение для обоснования пресловутого «кризиса феодализма» в XIV веке. Следует помнить, что классовый антагонизм не только подрывал феодальный строй, он до поры до времени был мощным фактором, двигавшим феодализм вперед, видоизменяя как базис его, так и надстройку. Одним словом, до тех пор, пока не созрели объективные условия крушения феодализма, классовая борьба самым отрицанием его заставляла господствующий класс исчерпать до конца всезаложенные в данном обществе потенции прогресса. Но можно ли с этой точки зрения сколько-нибудь серьезно говорить о «кризисе феодализма» в XIV—XV вв., если иметь, конечно, в виду феодализм как общественно-экономическую формацию? На наш взгляд, ни в коем случае. Ибо и восстание жаков, и восстание Уота Тайлера, и гуситские революционные войны не только расшатывали до основания этот существующий строй, но и заставили господствующий класс изыскать новые жизненные силы, скрытые в недрах отстаиваемого им строя, чем не только продлили его существование еще на несколько столетий, но и толкали развитие феодального общества по пути прогресса, который не могут заслонить все обнаруженные явления упадка, вместе взятые. Поэтому усматривать в классовой борьбе лишь отрицательную силу истории значит извратить ее подлинную роль — великой творческой и созидательной силы общественного развития.

В настоящей статье делается попытка дать предварительную оценку ряда важных социально-экономических явлений XIV—XV веков.

Но прежде чем предпринять подобную попытку, необходимо хотя бы вкратце изложить воззрения Е. А. Косминского на существо интересующей нас проблемы.

Первое, что заслуживает быть отмеченным, — это то, что Е. А. Косминский не отрицает наличия в экономике XIV—XV вв. явлений упадка и депрессии. Но при этом он в отличие от идеологов «чистой экономики» переносит центр тяжести всей проблемы «кризиса XIV в.» на почву социальной истории. «Можно ли, — справедливо спрашивает он, — рассматривать явления упадка в экономике Европы XIV—XV вв. вне связи с историческими судьбами господствовавшего тогда способа производства, с переменами в распределении и характере собственности, с взаимоотношениями классов и классовой борьбы?»⁵⁹ И, обращаясь к материалам по истории феодализма в Англии, он высказывает ряд в высшей степени плодотворных научных идей.

Рассматривая развитие феодальной экономики как процесс по своей природе глубоко антагонистический, Е. А. Косминский не склонен принимать явления депрессии за общую тенденцию эпохи, как свидетельство направления «векового экономического цикла», ибо он в то же время находит много фактов, свидетельствующих о прогрессе экономики. Так, упадку господского хозяйства феодалов он противопоставляет усилившуюся роль крестьянского хозяйства⁶⁰. Упадок внешней торговли в значительной степени компенсировался ростом внутреннего рынка; одновременно с сокращением доходов феодального класса происходил рост доходов некоторых групп крестьянства; наряду с упадком старых центров ремесла имело место развитие промышленности в деревне⁶¹.

Но Е. А. Косминский не ограничивается балансированием фактов экономического упадка, с одной стороны, и прогресса — с другой. Он

⁵⁹ Е. А. Косминский. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? стр. 267.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 270.

ставит и более общий вопрос — о социальном содержании интересующей нас эпохи. Отвергая «теорию циклов» как основание новой периодизации европейской истории, Е. А. Косминский заключает, что с точки зрения развития экономики в XIV—XV вв. развитие происходило в общем под знаком прогресса, но отнюдь не стагнации и кризиса⁶².

С этими выводами, разумеется, нельзя не согласиться, за одним лишь исключением: автор этих строк в гораздо большей степени, чем Е. А. Косминский, склонен допустить, что в указанную эпоху явления временного экономического спада, особенно если рассматривать их сквозь призму товарного производства, были количественно более ярко выраженными, чем это до сих пор принято было считать.

Однако наша задача заключается в том, чтобы попытаться истолковать указанные внешне противоположные тенденции XI—XIII и XIV—XV вв. как закономерные проявления данной ступени эволюции одного и того же феодального способа производства.

Процессы, давшие повод конструировать «вековой цикл экономического упадка», обнаружены в той или иной мере в ряде стран Западной Европы (в Англии, Франции, в Германии к западу от Эльбы, Норвегии и ряде других). Подобное обстоятельство показывает, что речь идет о явлениях не локального значения, не только случайных и привходящих, а таких, которые обусловлены одним и тем же этапом развития феодализма как общественно-экономической формации.

Эти факты в различных странах часто не совпадают во времени и различаются по своим конкретно-историческим формам; они нередко затемняются многими противоречащими их сущности тенденциями, однако этим лишь подчеркивается то основное и наиболее важное, что пробивает себе дорогу вопреки всем случайностям, а именно: однородность общественно-экономических преобразований, совершавшихся в структуре феодального общества под воздействием классового антагонизма, заложенного как в феодальном экономическом базисе, так и в его надстройке. Эти сдвиги и должны служить рубежами и вехами при периодизации экономической эволюции средневекового общества.

Такой подход к анализу материала, накопленного в ходе дискуссии, ни в коей мере не затрагивает основ марксистской периодизации средневековой истории. И если создатели концепции «кризиса XIV—XV вв.» надеялись создать некий противовес этой периодизации или даже «подорвать» этим ее основы, то их постигла явная неудача. Иначе и быть не могло. С нашей точки зрения, трудность проблемы «кризиса XIV—XV вв.» заключается в том, что он представляет сложный исторический феномен: огромный социальный прогресс, совершающийся на почве феодального способа производства, ценой временных кризисных явлений феодальной экономики.

Изображение этого диалектического процесса обедняется, суживается и теми, кто рассматривает его экономическую форму проявления как решающий критерий для оценки направления исторического развития, и теми (хотя и не в такой степени), кто отмечает лишь его социальное содержание, отвлекаясь от этой формы.

Марксистское понимание периода восходящего развития феодальной формации вовсе не исключает возможности отдельных и даже длительных моментов хозяйственного застоя или даже упадка. Однако эти перемены и зигзаги в эволюции хозяйства, рассматриваемого к тому же крайне односторонне — с точки зрения его «товарности», не снимают основную и общую тенденцию социального прогресса. Важно лишь определить: что именно приходит в данный период в упадок, сказывающийся в сокращении товарного производства, и как этот упадок отражается на

⁶² Там же, стр. 267.

тех элементах общества, которые служат истинным базисом его поступательного развития.

Таким образом, факты, говорящие о наступлении «трудных времен» для определенных сторон общественно-экономической жизни в Западной Европе XIV—XV вв., лишь свидетельствуют о неизбежных, хотя и временных, экономических последствиях развития феодального способа эксплуатации.

Обратимся поэтому, хотя бы бегло, еще раз к фактам. Концепция о так называемом «кризисе XIV—XV вв.» была в последние годы обоснована с наибольшей очевидностью на материале Англии ввиду наличия там большого количества источников, к тому же значительно лучше изученных, чем в какой бы то ни было другой стране. Именно поэтому мы воспользуемся теми данными, которые приведены в трудах М. Постана для характеристики английской экономики интересующего нас периода. Среди перечисленных им фактов для обрисовки «конъюнктуры хозяйственной жизни» в Англии XIV—XV вв. наиболее убедительными, на наш взгляд, являются следующие: сокращение общей площади обрабатываемой земли и увеличение площади пастбищ; сокращение товарной продукции зерна, как и продукции животноводства; вздорожание рабочих рук и, наоборот, удешевление продуктов земледелия; упадок и запустение многих деревень, а также ряда старых городских центров; сокращение объема внутреннего товарооборота и объема внешней торговли (и, в частности, вывоза шерсти, не восполняемого до поры до времени увеличившимся вывозом сукна)⁶³.

Можно, конечно, спорить относительно интенсивности указанных процессов⁶⁴ (в особенности относительно динамики народонаселения), однако само наличие их в социально-экономической действительности Англии XIV—XV вв. представляется нам доказанным.

Но о чем же свидетельствуют эти факты? Они свидетельствуют лишь о кризисе и упадке системы эксплуатации, базировавшейся и обусловленной сеньериальной, или — что для нас в данном случае то же самое — манориальной стадией феодализма.

С нашей точки зрения, не только можно, но и должно говорить о кризисе, только не феодализма как способа производства, а лишь сеньериальной формы или системы феодальной эксплуатации. Феодальное общество как общественно-экономическая формация пережило лишь один общий кризис, который может быть более или менее длительным, но он обязательно предшествует буржуазной революции и завершается ею. В Англии, например, этот кризис длился с конца XVI — начала XVII в. до 40-х годов XVII века. Поэтому не может быть и речи о «первом» или «втором» кризисе феодализма. В отличие от капитализма феодальный способ производства, как уже отмечалось, не знает циклических, конъюнктурных кризисов. Феодализму свойственны кризисы данных, конкретно-исторических форм эксплуатации, время от времени видоизменявшихся под влиянием развития антагонизма общественного производства, что, в свою очередь, совершенно не присуще сложившемуся капитализму. Перемены наступают тогда, когда старые формы эксплуатации становятся неадекватными целям господствующего класса, иначе говоря, непригодными для извлечения в его пользу всего прибавочного продукта, создаваемого в стране в различных сферах труда, и прежде всего в крестьянском хозяйстве, и реализуемого все больше в сфере об-

⁶³ См. М. М. Postan. Revisions in Economic History: the 15-th Century. «The Economic History Review», 1939, vol. IX; его же. Some social Consequences of the Hundred Years War. «The Economic History Review», 1942, vol. XII; его же. The Rise of the Money Economy. «The Economic History Review», 1944, vol. XIV; его же. Some Economic Evidence of Declining Population in the Later Middle Ages. «The Economic History Review», 1950, 2 ser. Vol. II.

⁶⁴ Ср. Е. А. Косминский. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики?

мена. Такие кризисы, очевидно, не часты, как немногочисленны и исторически известные формы организации феодального производства и феодального присвоения (формы ренты). Но они чрезвычайно глубоки и длительны, ибо вызывают важные сдвиги во всей системе общественных отношений, вплоть до сдвигов в области идеологии. Эти кризисы не всегда точно совпадают со сменой конкретно-исторических форм феодальной ренты. Во-первых, различные формы эксплуатации во многих странах сосуществуют, и их смена благодаря влиянию многих факторов слишком нерегулярна во времени и по существу, чтобы предварять полностью синхронные кризисы форм феодального хозяйства. Во-вторых, формы феодальной эксплуатации — понятие гораздо более широкое, чем понятие формы феодальной ренты, и это потому, что оно включает и способ производства этой ренты. Поэтому только в общих чертах и весьма приблизительно можно установить, что кризис сеньериальной стадии феодализма совпадал с переходом от ренты отработочной к денежной.

Сеньериальная (манориальная) стадия феодализма в истории Западной Европы — не логическая конструкция, а исторический факт. Ее расцвет приблизительно датируется с конца X по XIII в. включительно. Она наступила с полным торжеством крепостничества и барщинного хозяйства на господском домене. Однако только в Англии эта стадия в целом совпадала с эпохой господства отработочной ренты и домениального хозяйства. В других странах хронологические рамки и формы этой стадии были несколько иными.

Что же составляет сущность сеньериальной стадии феодализма? Основой ее является феодальная собственность в более развитой форме (по сравнению с формами раннего средневековья), которая характеризуется слиянием титула земельного собственника в одном лице с обладателем прав внеэкономического принуждения по отношению к земледельцу. Это положение не следует истолковывать в том смысле, что речь идет лишь о каких-то «привесках», внешних по отношению к природе феодальной собственности. Речь идет о становлении особой, более развитой формы этой собственности, воплощавшей более высокую ступень феодального производства, а значит, и эксплуатации. Становление этой формы собственности было решающим условием для расцвета барщинной, крепостнической вотчины в X—XIII веках.

Главный недостаток указанных выше буржуазных концепций так называемого «кризиса XIV—XV вв.» заключается в том, что в них феодальная собственность рассматривается как нечто застывшее, неизменное. Между тем феодальная собственность — категория сугубо историческая, и ее трансформация в различные периоды средневековья представляется нам путеводной нитью при анализе всей совокупности социально-экономических фактов данной эпохи⁶⁵.

Каковы особенности экономики на сеньериальной стадии феодализма? Важнейшим фактором было начало интенсивного развития товарно-денежных отношений в связи с новой ступенью, достигнутой вскоре на базе сеньерии в развитии общественного разделения труда, характеризовавшегося отделением ремесла от земледелия, города от деревни⁶⁶.

По мере того как господское (домениальное) хозяйство производи-

⁶⁵ Подробнее эта важная тема здесь не может быть развита.

⁶⁶ Нам представляется сугубо ошибочным такой односторонний подход, когда усматривается только влияние города на сеньерию, товарно-денежных отношений на натурально-хозяйственную в своей основе феодальную вотчину. Сеньерия не только «приспосабливалась» к товарно-денежным отношениям. Она сама долгое время была их бродилом, по крайней мере в сфере обмена, а затем и в сфере феодального присвоения. Это примечание тем более уместно, что до сих пор суть его далеко не очевидна и ряду историков, считающих себя причастными к марксизму. См., например, «The Transition from Feudalism to Capitalism». A Symposium by P. M. Sweezy, M. Dobb, H. K. Takahashi, R. Hilton and Ch. Hill. London. 1954.

ло все больше излишков, оно все больше становилось на почву товарного производства. Это особенно хорошо видно на примере Англии XII—XIII веков. Маршруты, по которым отбывались извозные повинности вилланов крупных барщинных маноров, нанесенные на карту, могут служить яркой иллюстрацией того, насколько тесными являлись рыночные связи сеньерии, мы даже сказали бы, насколько «торговым» становилось домениальное земледелие.

Хотя домениальное земледелие даже в период своего максимального расширения занимало значительно меньше половины культивируемой площади (типична $\frac{1}{3}$ этой площади), ясно, однако, что на одной и той же единице пахотной площади домениальное производство было гораздо более товарным, чем земледелие крестьянское. Не удивительно поэтому, что крупные лорды были в состоянии доставлять на рынок большие партии товарного хлеба, скота, шерсти и других сельскохозяйственных продуктов, что определенным образом олицетворяло «бум XII—XIII вв.» как во внутренней, так и во внешней торговле. Погоня за увеличением доли феодальной ренты, превращаемой в деньги самим лордом, имела своим результатом не только интенсификацию и увеличение барщины, но и максимальное расширение площади домениальной запашки. Все это не могло не создать, в частности и в английской деревне, обстановки земельного голода: на одном наделе вынуждены были ютиться несколько семей, умножалось число безземельных, покидавших деревню в поисках надела на стороне или снимавших, подчас за довольно высокую плату, клочки пустоши или домена. Вытеснение из земледелия массы сельского населения, вынужденной обратиться к «городским» занятиям как источнику существования, объясняет вторую сторону «бума XII—XIII вв.» — большую емкость рынка и высокие цены на продукты земледелия. Таким образом, факты «перенаселения деревни» в XI—XIII вв., факты, свидетельствующие о том, что «плуг добрался уже до порога жилищ», могут в крайнем случае говорить лишь об относительном перенаселении деревни в условиях интенсивного барщинного хозяйства, рассчитанного в значительной мере на рынок. В этих условиях уже нетрудно объяснить и высокие цены на хлеб, например, в Англии XIII в., и сравнительную дешевизну рабочих рук при дороговизне земель. Масса безземельных и малоземельных крестьян, прежде всего вилланов, не могла быть обеспечена в силу указанных причин достаточными для самостоятельного хозяйства земельными наделами в рамках манора, следовательно, она не могла достаточно эффективно эксплуатироваться в рамках господствовавшей барщинной системы. Отсюда вынужденность этой массы выступать на рынке, с одной стороны, в качестве носителей «городского труда» или наемного земледельческого труда, который в тех условиях мог быть лишь вспомогательным и поэтому дешевым, с другой — в качестве покупателей продуктов земледелия.

Чем выше становился удельный вес коттеров и других малоземельных держателей в английской деревне, тем обширнее, тем более емким был хлебный рынок, тем выше был на нем спрос, а следовательно, выше цена на зерно. Без учета именно этого относительного, социального перенаселения английской деревни XIII в. нельзя ни в малейшей степени объяснить рыночную конъюнктуру хозяйства.

Конец XIII — начало XIV в. принесли хорошо известные перемены, связанные с процессом коммутации. Господское хозяйство на домене должно было уступить крестьянскому хозяйству свое место на основном для него внутреннем рынке. Однако эта смена форм ренты олицетворяла лишь зримо начало разложения манора, но не причину его. Сам процесс его был и более долговременным и гораздо более болезненным для всей феодальной структуры. Таким образом, коммутация была явлением вторичным в ходе начавшегося кризиса сеньерии, а отнюдь не первичным, отнюдь не его первопричиной.

Такие случайные, привходящие явления, как голод, эпидемии и т. д., конечно, усугубили и усложнили течение прослеживаемого процесса. Подчас они были не в малой мере им обусловлены. Итак, кризис сеньерии как основного центра производства феодальной ренты, сеньерии как воплощения барского, домениального хозяйства, как основы всей общественной структуры является, на наш взгляд, предпосылкой и первопричиной так называемого «кризиса XIV—XV веков».

Дело в том, что падение в течение XIV—XV вв. феодальных доходов — «кризис дворянства» (*crise nobiliaire*), — обычно связываемое с падением стоимости ренты, нельзя объяснить одним лишь фактом коммутации барщинных повинностей.

Главное заключается не в самой этой смене, а в том коренном сдвиге в развитии производственных отношений, основного классового антагонизма, который в коммутации лишь нашел выражение, но отнюдь не ею был обусловлен.

Речь идет о том, что в ходе товарного производства, в напряженном соревновании двух сторон, сфер единого феодального хозяйства — вотчинного и мелкокрестьянского — экономическое преимущество оказалось на стороне последнего. Этим обуславливается не только то, что на его плечи вотчинники переложили все бремя рыночной реализации прибавочного продукта (коммутация), но и всю заботу о самом его производстве. В истории феодализма это означало огромной важности социально-экономический сдвиг.

Обратимся теперь к судьбам сеньерии. Все исследователи единодушны в признании того, что основным экономическим признаком этой полосы истории сеньерии было резкое сокращение или даже полное исчезновение домениального хозяйства. Но дальше такого признания участники дискуссии, по существу, не идут.

Факт исчезновения домена как сферы самостоятельного производства лордов означал не просто новую форму утилизации собственности, находившейся в их руках, но прежде всего решающую трансформацию феодального производственного отношения и на данной основе дальнейшее им обусловленное развитие самой феодальной собственности как с точки зрения ее структуры, так и юридической природы. Сеньерия как форма феодального производства себя изжила.

Обратной стороной этого процесса было превращение мелкокрестьянского хозяйства в абсолютно господствующую форму феодального производства. Это был прогрессивный сдвиг, предвещавший наступление нового периода в эволюции феодализма. Расцвет мелкотоварный уклад хозяйства в средневековой деревне, возник новый класс крестьян (в Англии, например, копигольдеры), неизвестный предыдущей эпохе и олицетворявший всю глубину социального прогресса, совершившегося в XIV—XV веках.

Восстание Уота Тайлера следует рассматривать не только как признак социального кризиса, но и как доказательство резкого усиления экономической мощи и сословного самосознания крестьянства, стремившегося полностью воспользоваться выгодно сложившимися для него социально-экономическими условиями и давшего отпор попыткам дворянства повернуть ход эволюции на путь «феодальной реакции».

Посмотрим теперь, в какой мере кризис сеньерии как формы феодального производства объясняет экономическую конъюнктуру XIV—XV веков. Исчезновение домениального хозяйства должно было привести на первых порах к сокращению пахотной площади, ибо отнюдь не все нуждавшиеся в земле могли сразу обзавестись собственным хозяйством, кроме того, как мы уже отмечали, упадок вилланского права открыл безземельным крестьянам широкую дорогу в другие сферы труда,

к неземледельческим источникам существования. Отсюда не только явление запустения деревень, но и временами исчезновения многих из них.

Динамика цен и заработной платы как нельзя лучше объясняется социальными сдвигами, происшедшими в среде крестьянства, с одной стороны, в связи с раздачей домена в держания, а с другой стороны, в связи с исчезновением и ослаблением вилланского права. Если не подлежит сомнению, что значительная часть в прошлом безземельных и малоземельных крестьян обзавелась земельными держаниями, то это означало, что они перестали выступать на рынке и как покупатели продуктов земледелия (в первую очередь зерна) и как продавцы рабочей силы. Отсюда тенденция к понижению цен на хлеб и вздорожание рабочих рук. Вследствие упадка института вилланства вопрос о рабочей силе в тогдашней деревне стал крайне острым. Рост пастбищного хозяйства за счет пахоты, несомненно, был свидетельством хозяйственной перестройки, вызванной не столько сокращением численности населения, сколько большей выгодностью и рентабельностью скотоводства в условиях дороговизны наемной рабочей силы. Если же говорить о сокращении объема внутренней и внешней торговли, то оно могло быть лишь результатом упадка домениального хозяйства. Выше мы уже отметили несравненно большую товарность домениального хозяйства на единицу пахотной площади по сравнению с крестьянским хозяйством. Таким образом, исчезновение домена не могло длительное время восполниться с точки зрения товарной продукции крестьянским хозяйством. Для этого последнее должно было стать несравненно более многочисленным.

С X по XIII в. господствовала форма организации феодального производства, характеризовавшаяся наличием двух типов хозяйства — трудового крестьянского и эксплуататорского господского, — составлявших в совокупности сущность вотчины. «Кризис XIV—XV вв.» означал разложение этой формы феодального присвоения. Коренившийся в ней социальный антагонизм исчерпал в условиях развитого товарного производства возможность дальнейшего развития этой формы феодальной эксплуатации, что обусловило на время потерю классом феодалов значительной доли контроля над производительными силами страны, а следовательно, и над значительной долей избыточного продукта.

«Кризис дворянства» и рецидивы феодальной анархии в XIV—XV вв. были лишь оборотной стороной этого важнейшего исторического процесса. Потребовалась сложная перестройка всей системы эксплуатации, прежде чем классу феодалов удалось найти новые, более эффективные формы своей власти над производительным трудом и продлить таким образом свое господство в Западной Европе еще на несколько столетий.

Таковы изложенные в сугубо предварительной форме причины, обусловившие явления хозяйственного упадка в XIV—XV вв. в странах так называемой «старой сеньерии».